

Л.Д. Троцкий

Европа и Америка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Л11

Л11 **Л.Д. Троцкий**
Европа и Америка / Л.Д. Троцкий – М.: Книга по Требованию, 2022. – 86 с.

ISBN 978-5-4241-3208-7

Эта книжка была опубликована Госиздатом в 1926 году, и больше никогда в Советском Союзе не издавалась. Состоит книжка из двух докладов Льва Троцкого перед аудиториями коммунистов, первый в июле 1924 года, а второй в феврале 1926 года на тему о роли Америки в мировом капитализме, с приложением отрывков из его других статей и докладов на эту же тему. Вопросы, которые затронул Лев Троцкий в своих выступлениях, имеют и сегодня жгучий интерес. Главное его положение, что Соединенные Штаты Америки захватили роль капиталистического гегемона, которую до Первой Мировой войны держала Великобритания, и которую Германия пыталась дважды в XX-м веке отвоевать это положение сохраняет до сего дня огромный теоретический и политический интерес.

ISBN 978-5-4241-3208-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© Л.Д. Троцкий, 2022

Лев Давидович Троцкий
Европа и Америка

Заметка редакции

Эта книжка была опубликована Госиздатом в 1926 году, и больше никогда в Советском Союзе не издавалась. Состоит книжка из двух докладов Льва Троцкого перед аудиториями коммунистов, первый в июле 1924 года, а второй в феврале 1926 года на тему о роли Америки в мировом капитализме, с приложением отрывков из его других статей и докладов на эту же тему. Вопросы, которые затронул Лев Троцкий в своих выступлениях, имеют и сегодня жгучий интерес. Главное его положение, — что Соединенные Штаты Америки захватили роль капиталистического гегемона, которую до Первой Мировой войны держала Великобритания, и которую Германия пыталась дважды в XX-м веке отвоевать — это положение сохраняет до сего дня огромный теоретический и политический интерес.

Троцкий пишет об эпохе, когда удельный вес Америки в мировом капиталистическом хозяйстве уже стал преобладающим, когда, по грубому подсчету, тяжёлая промышленность Соединенных Штатов сравнялась и даже перевесила общую сумму индустриальных хозяйств ее главных соперников: Великобритании, Германии, Франции. На базе этого хозяйственного, торгового и финансового перевеса США над Европой Америка вытесняла из мировой политики "великие державы" XIX века и стремилась навязать миру свою политическую гегемонию.

Мы живем в совершенно иную эпоху. Промышленность Америки сегодня стремительно падает: производство многих видов промышленных товаров уже эмигрировало в Корею, Мексику, Китай и т. д.; торговый дефицит США дошел до ошеломительной величины и задолженности продолжают увеличиваться; золотой запас в Форт Ноксе (главный золотой погреб США) представляет собой ничтожную величину по сравнению с импортными требованиями Америки.

Означает ли это, что европейский капитализм отыграет свои прошлые позиции в судьбах мирового капиталистического хозяйства, что мы можем ожидать новый виток вверх германского, французского или британского хозяйств и новый расцвет и упрочение буржуазного общества? А, может быть, новая великая держава захватит у Америки ее шаткую гегемонию? Япония? Китай?

Мы полагаем, что нет. Октябрьская революция нанесла тяжелый удар по системе мирового капитализма и поставила человечество перед конкретной возможностью преодолеть противоречия и тупики капитализма на основе социалистического переустройства всего мира. В течение нескольких десятков лет трудящиеся массы всего мира испытывали жгучий интерес к Советскому Союзу и возлагали надежды на успех социалистического опыта.

И в этом, субъективном смысле мы живем в другую эпоху. Преступления и предательства сталинизма привели пролетариат и все человечество к ряду поражений и катастроф: Гитлер и нацистский геноцид евреев, цыган и других народов и общие огромные потери во Вторую Мировую войну; поражение и банкротство национально-освободительных движений в отсталых странах в наше время; перерождение и разрушение переходных режимов в Советском Союзе и Восточной Европе и их откат обратно к капитализму; новые вспышки геноцида и племенной резни в Руанде, Югославии, Нагорном Карабахе и Чечне. Эти удары

разочаровали массы в социализме, — который они отождествляли со сталинской бюрократией — привели к расстройству и замешательству рабочего движения во всем мире, к росту апатии и цинизма среди широких масс и ко всякого вида опустошающим и расслабляющим настроениям, иррациональным философиям, фатализму или мистицизму среди более образованных слоев во всем мире.

Падение Советского Союза десять лет назад не привело к восстановлению стабильности в мировой политике или роста в мировой экономике. Наоборот, конкуренция между империалистами Европы, Америки и Японии за превосходство на открывшейся из под "железного занавеса" огромной территории Восточной Европы и Азии влечет их к более жестким трениям и к новым войнам. Вместо "нового мирового порядка", который обещал американский президент Буш Старший десять лет назад, вместо процветания и благополучия, которые тогда обещали все лидеры буржуазии, мировая политика и мировая экономика находятся в состоянии ускоряющихся и углубляющихся конвульсий.

Мы читаем эти работы 75-тилетней давности о подъеме Америки, чтобы лучше понять мировую обстановку в наши дни, когда мы наблюдаем экономический закат Америки. Вопрос о будущем человечества еще не решен; он должен решаться в борьбе классовых сил. Чтобы победить, пролетариату надо понять прошлое развитие мирового хозяйства и знать, что происходит в нем сегодня.

Феликс Крайзель

Предисловие

Эта брошюра объединяет две речи, произнесенные на расстоянии двух лет одна от другой. Обе речи связаны единством темы: они посвящены характеристике мирового экономического и политического положения, — и единством основной мысли: в основу оценки мирового положения обе речи кладут отношение Соединенных Штатов Северной Америки к Европе.

Незачем говорить, что характеристика мирового положения совершенно не исчерпана в этих докладах. Вопрос о колониях, о национально-революционной борьбе народов Востока затронут здесь лишь постольку, поскольку это было необходимо для освещения основной мысли: гегемонии Соединенных Штатов в капиталистическом мире с вытекающими отсюда последствиями. Вопрос о положении и перспективах Востока при радикально изменившихся взаимоотношениях между Америкой и Европой требует особого самостоятельного рассмотрения. Такое рассмотрение не может, однако, изменить основную постановку вопроса в предлагаемой брошюре: не подвергая проблему Востока детальному рассмотрению, оба доклада все время учитывают эту проблему в ее гигантском историческом объеме.

Недостижимый материальный перевес Соединенных Штатов автоматически исключает для капиталистической Европы возможность хозяйственного подъема и возрождения. Если европейский капитализм в прошлом революционизировал отсталые части света, то ныне американский капитализм революционизирует перзрелую Европу. Ей не остается другого выхода из экономического тупика, как пролетарская революция, уничтожение таможенно-государственных перегородок, создание Европейских Советских Соединенных Штатов и федеративное объединение с Советским Союзом и свободными народами Азии. Неизбежное развитие этой гигантской борьбы откроет неотвратимо революционную эпоху и для нынешнего капиталистического властелина: для Соединенных Штатов Северной Америки.

Л. Троцкий

25 февраля 1926.

P.S. В приложении к брошюре дается статья, опубликованная в «Правде» от 30 июня 1923 года по вопросу о Социалистических Соединенных Штатах Европы, а также те отрывки из речей и статей, в которых автору этой брошюры приходилось касаться вопроса о взаимоотношениях между Европой и Америкой.

Л. Т.

К вопросу о перспективах мирового развития

доклад 28 июля 1924 года

Еще раз о предпосылках пролетарской революции

Товарищи! Прошло 10 лет с начала империалистической войны. За этот период мир весьма изменился, но все же не так, далеко еще не так, как мы предполагали и ждали 10 лет тому назад. Мы рассматриваем историю под углом зрения социальной революции. Этот угол зрения одновременно и теоретический и практически-действенный. Мы анализируем условия развития, как они складываются за нашей спиной и независимо от нашей воли, для того чтобы, поняв их, воздействовать на них нашей активной волей, т.е. волей организованного класса. Эти две стороны в нашем марксистском подходе к истории теснейшим неразрывнейшим образом связаны между собою. Если ограничиваться только учетом того, что происходит, то такой подход в конечном счете вырождается в фатализм, в индифферентизм, в общественное безразличие, а на известных своих ступенях принимает облик меньшевизма, в котором есть большая доля фатализма и преклонения перед тем, что происходит за спиной людей. Если ограничиваться, с другой стороны, только революционной активностью, волей, то мы рискуем впасть в субъективизм, который имеет много разновидностей: анархизм — одна из них, левая эсеровщина — другая, наша российская разновидность субъективизма, и, наконец, сюда же относятся те явления в самом коммунизме, которые Владимир Ильич называл "детскими болезнями левизны". Все искусство революционной политики состоит в правильном сочетании объективного учета и субъективного воздействия. И в этом состоит сущность ленинской школы.

Я сказал, что мы подходим к истории под углом зрения революции, той, которая должна передать власть в руки рабочего класса для коммунистического переустройства общества. Каковы предпосылки социальной революции, при каких условиях она может возникнуть, развернуться и победить? Предпосылок очень много. Но их можно сгруппировать в три большие группы, пожалуй, для начала даже в две. *Объективные* — именно те, которые складываются за спиной людей и потом могут только ими учитываться, и *субъективные*. Объективные предпосылки, если начинать с фундамента, с основ, — а так начинать и полагаются, — прежде всего, создаются определенным уровнем развития производительных сил. (Я извиняюсь перед теми, для кого то, что я сейчас говорю, является азбукой. Я полагаю, что эти вопросы являются азбукой не для всех присутствующих. Да и всем нам приходится время от времени возвращаться к «азбуке», к основам, для того чтобы при помощи старого метода приходить к новым выводам, которые подсказывает обстановка сегодняшнего дня.) Итак, основной, капитальнейшей предпосылкой социальной революции является определенный уровень развития производительных сил, — такой уровень, при котором социа-

лизм, а затем коммунизм как хозяйство, как способ производства и распределения благ, представляли бы материальные выгоды. На крестьянской сохе ни коммунизма, ни даже социализма построить нельзя. Предполагается определенный уровень развития техники. Достигнут ли этот уровень, если мы возьмем весь капиталистический мир? Безусловно, да. Чем это доказывается? Это доказывается тем, что крупные и крупнейшие капиталистические предприятия и их сочетания — тресты и синдикаты — побеждают во всем мире предприятия средние и мелкие. Стало быть, общественная хозяйственная организация, которая опиралась бы только на технику крупных и крупнейших предприятий; организация, правильно построенная по типу трестов и синдикатов, но на началах солидарности; организация, распространенная на нацию, на государство, а затем и на весь мир, представляла бы гигантские материальные выгоды. Эта предпосылка есть, и притом уже давно. Вторая объективная предпосылка: нужно такое расчленение общества, чтобы в наличии был класс, заинтересованный в социалистическом перевороте и достаточно численный и производственно-влиятельный, чтобы этот переворот взять на себя. Но этого мало. Нужно, чтобы этот класс — и тут мы переходим к *субъективным* предпосылкам — понимал обстановку, чтобы он сознательно хотел переворота, чтобы во главе его стояла партия, способная им руководить во время переворота и обеспечить победу. А это, с другой стороны, предполагает соответственное состояние правящего буржуазного класса, утрату им влияния на народные массы, расшатку в его собственных рядах, убыль классовой самоуверенности. Такое состояние общества и есть революционное состояние. Только на определенных производственно-общественных основах могут возникнуть психологические, политические и организационно-действенные предпосылки для совершения восстания и для его завершения победой.

Если мы спросим себя насчет второй предпосылки, классового расчленения, т.-е. роли и значения пролетариата в обществе, — созрела ли эта предпосылка для социальной революции, то и здесь мы можем ответить только одно: созрела давно, десятилетия уже, как созрела. Лучше всего это доказывается ролью русского пролетариата, еще совсем молодого. Что же не хватало до сих пор? Не хватало последней, субъективной предпосылки, осознания пролетариатом Европы своего положения в обществе, соответственной организованности, соответственного воспитания партии, которая могла бы им руководить. Вот чего не хватало! Не раз мы, марксисты, говорили о том, что вопреки всяким идеалистическим теориям сознание общества отстает от объективных условий развития, — и мы это в вопиющем историческом масштабе видим на судьбе пролетариата. Производительные силы созрели для социализма давно. Пролетариат давно играет, по крайней мере в руководящих капиталистических странах, решающую хозяйственную роль. От него зависит вся механика производства, а стало быть и общественности. Чего не хватает — это последнего фактора, субъективного, — сознание отстает от бытия.

И вот империалистическая война и явилась, с одной стороны, как кара историческая за то, что сознание пролетариата отстало от бытия, а с другой стороны, как могущественный толчок вперед. Так мы и рассматривали империалистскую войну. Она развернулась потому, что пролетариат оказался не в силах ее предотвратить, ибо не успел опознаться в обществе, осознать свою роль, свою историческую миссию, организовать, поставить перед собой задачу захвата

власти и разрешить ее. В то же время империалистская война, которая явилась карой за то, что было не виной, а бедой пролетариата, должна была сыграть и сыграла роль могущественного революционного фактора.

Война вскрыла острую, глубокую и неотложную необходимость изменения общественного строя. Мы сказали, что переход к социалистическому хозяйству представлял значительные общественные выгоды уже задолго до войны. Это значит, что на социалистических основах производительные силы развивались бы уже до войны несравненно более могущественно, чем на капиталистических основах. Но мы видели, однако, что и при сохранении основ капитализма производительные силы до войны быстро росли не только в Америке, но и в Европе. В этом состояло относительное «оправдание» существования самого капитализма. Со времени империалистской войны мы уже видим совершенно иную картину: производительные силы не растут, а разрушаются. Им стало слишком тесно в рамках национальных государств и в рамках частной собственности. И после войны мы видим, что дело может идти лишь о восстановлении разрушенного, но никак не о дальнейшем развитии производительных сил. Им по-прежнему, и даже несравненно более прежнего, тесно в рамках частной собственности на средства производства и в рамках тех национальных государств, которые созданы Версальским миром. Полная несовместимость дальнейшего человеческого прогресса с капитализмом обнаружилась впервые совершенно неоспоримо событиями последнего десятилетия. В этом смысле война и явилась революционным фактором. Но не только в этом. Разворотив своими беспощадными методами всю организацию общества, война выбила сознание трудящихся масс из колеи консерватизма и традиции. Мы вступили в эпоху революции...

Истекшее десятилетие

(1914–1924 гг.)

Если мы под этим углом зрения подойдем к истекшему десятилетию, то окажется, что оно делится на несколько ярко разграниченных периодов. Первый из них — это период империалистской войны, который охватывает свыше 4-х лет, — для нас с вами меньше: для России несколько свыше трех лет. Новый период этого десятилетия начинается с февраля, особенно с октября 1917 г. Это период революционной расплаты за войну. История 18–19 гг. и отчасти — по крайней мере, для некоторых стран — также и 20-го года, история этих трех лет стоит еще целиком и полностью под знаком ликвидации империалистской войны и непосредственного ожидания пролетарской революции во всей Европе. Мы имели Октябрьскую революцию у нас, низвержение монархий в центральных европейских государствах, мощный подъем пролетарского движения во всей Европе, даже в Америке. Последние точки этого послевоенного подъема: сентябрьское восстание 1920 г. — в Италии, мартовские дни 1921 г. в Германии. С сентябрьским восстанием 1920 г. в Италии почти совпадает во времени наше движение, — наступление Красной Армии на Варшаву, которое тоже было составной частью могущественного революционного прилива и откатилось вместе с ним. Можно сказать, что эта эпоха *непосредственного* послевоенного революционного напора завершается грозной мартовской вспышкой 1921 г. в Германии. Мы победили в царской России, и власть пролетариата здесь удержалась. Были

низвергнуты, снесены почти без боя монархии центральной Европы. Но, если не считать эпизодических явлений в Венгрии и Баварии, пролетариат нигде более не овладел властью, а в этих эпизодических примерах не удержал ее. После этого могло казаться, и нашим врагам и противникам действительно казалось, что наступает эпоха восстановления капиталистического равновесия, заживления ран, нанесенных империалистской войной, и упрочения буржуазного общества.

С точки зрения нашей революционной политики этот новый период начинается как период отступления. Это отступление мы официально — и не без серьезной внутренней борьбы — провозгласили на III Конгрессе Коминтерна в середине 1921 г. Мы констатировали, что первого могущественного напора после империалистской войны для победы не хватило, ибо не оказалось руководящей партии, способной обеспечить победу, — и последнее крупное событие этого трехлетнего периода, мартовское движение в Германии, знаменовало величайшую опасность: если бы движение пошло дальше по этому пути, оно угрожало бы разбить вдребезги молодые партии Коммунистического Интернационала. III Конгресс крикнул: "назад!" — отступить от линии непосредственного боя, на которую наши партии в Европе были выкинуты в результате послевоенных событий. Начинается эпоха борьбы за влияние на массы, период систематической упорной агитационной и организационной работы под лозунгом единого пролетарского, а затем и рабоче-крестьянского фронта. Этот период длился около двух лет. И за это короткое время успела выработаться психология, приспособленная к размеренной агитационно-пропагандистской работе. Революционные события, казалось, отодвинуты были в неопределенное, но достаточно далекое будущее. Между тем как раз во второй части этого короткого периода Европа была снова потрясена могущественной судорогой рурской оккупации.

На первый взгляд оккупация Рура могла казаться небольшим эпизодом в издавшей виды окровавленной и истерзанной Европе. По существу же дела рурская оккупация была как бы кратким повторением империалистской войны. Немцы не сопротивлялись, ибо нечем было, а французы с оружием в руках вторглись в соседнюю страну и захватили промышленную область, представляющую сердцевину германского хозяйства. В результате Германия, а с нею, до известной степени, и остальная Европа снова зажили в обстановке войны. Хозяйство Германии было дезорганизовано, и рикошетом дезорганизованным оказалось и французское хозяйство. История как бы сделала повторный опыт. После того как империалистская война потрясла весь мир, подняла на ноги самые отсталые массы трудящихся, но не довела их до победы, после этого через пять лет история делает как бы новый опыт, своего рода перезамену. — Я дам вам краткое повторение империалистской войны, — так говорит история. — Я снова потрясу до основ и без того уже потрясенное хозяйство Европы и дам возможность вам, пролетариату, коммунистическим партиям наверстать упущенное в эти последние годы. — Мы видим, как в течение 1923 г. обстановка в Германии сразу круто и радикально меняется в революционном направлении. Буржуазное общество потрясено до основ. Буржуазный министр-президент Штресеман открыто говорит о том, что он возглавляет собой последнее буржуазное правительство Германии. Фашисты говорят: "Пусть к власти идут коммунисты, а мы придем после". Национально-государственное существование Германии выбито полностью и

окончательно из колеи. Судьбу марки вы помните, как и судьбу всего немецкого хозяйства за этот период. Массы притекают стихийным приливом к коммунистической партии. Социал-демократия, главная ныне сила косности на службе у старого общества, расколота, ослаблена, лишена всякого доверия к себе. Рабочие покидают ее ряды. Теперь, когда оглядываешься задним числом на этот период, который захватывает почти весь 1923 г., особенно вторую его половину, с июня месяца, после прекращения пассивного сопротивления, — когда оглядываешься и охватываешь сразу всю обстановку в Германии, то говоришь себе: более благоприятных предпосылок для революции пролетариата и для захвата власти история не создавала и вряд ли когда-либо создаст. Если бы заказать молодым нашим марксистским ученым придумать обстановку более благоприятную для захвата власти пролетариатом, то я думаю, что они не придумают, если, разумеется, захотят оперировать с реальными, а не сказочными, фантастическими данными. Но не хватало одного. Не хватало такой степени закала, дальновидности, решимости и боеспособности коммунистической партии, чтобы эти качества могли обеспечить своевременное выступление и победу. И на этом примере мы снова и снова, — тем более молодые среди нас! — учимся пониманию роли и значения правильного руководства коммунистической партии, как последнего по историческому счету, но не последнего по значению фактора пролетарской революции.

Срыв германской революции открывает новый период в развитии Европы и отчасти — всего мира. Этот новый период мы характеризовали, как период прихода к власти демократически-пацифистских элементов буржуазного общества. На смену фашистам пришли пацифисты, демократы, меньшевики, радикалы и прочие партии мещанства. Конечно, если бы революция победила в Германии, вся переживаемая нами ныне историческая глава имела бы совершенно другое содержание. Если бы во Франции даже и было правительство Эррио, то сам Эррио выглядел бы иначе, и срок его политической жизни был бы значительно короче, хотя и сейчас не ручаюсь за долговечность. (Аплодисменты.) Это же целиком относится и к Макдональду, и ко всем другим разновидностям того же основного демократически-пацифистского типа.

Фашизм, демократизм, керенщина

Чтобы понять хотя бы первые буквы в происшедшей смене, надо спросить себя, что такое фашизм и что такое этот пацифистский реформизм, который иногда для краткости называют керенщиной. Определение этих ходких понятий я уже давал, но повторяю их снова, ибо без правильного понимания фашизма и новореформизма политическая перспектива неизбежно получается ложной. Фашизм может в разных странах выглядеть по-разному, может иметь разный социальный состав, т.-е. набираться из разных групп, но в основе своей фашизм есть та боевая группировка сил, которую выдвигает угрожаемое буржуазное общество для отпора пролетариату в гражданской войне. Когда демократически-парламентарный государственный аппарат запутывается в собственных внутренних противоречиях, когда буржуазная легальность связывает саму буржуазию, тогда последняя приводит в движение наиболее боевые элементы, которыми может располагать, освобождает их от уз легальности, обязывает их действовать всеми мерами истребления и устрашения. Это и есть фашизм. Стало быть, фа-